

НАСЛЕДИЕ

Письмо британского историка Арнольда Джозефа Тойнби (1889–1975) советскому коллеге Николаю Иосифовичу Конраду (1891–1970) было опубликовано в посмертном собрании сочинений последнего: Конрад, Н. И. 1974. *Избранные труды. История*. М.: Наука, с. 270–273.

Перепечатывая письмо, обратим внимание, в частности, на критическое замечание автора по поводу концептуальных оснований его двенадцатитомного труда «Постижение истории». Дело в том, что это знаменитое произведение (сжатое до одного тома), как и почти все прочие работы Тойнби, стали доступными русскоязычному читателю только в 1990-х годах, когда массовое разочарование в марксистской «формационной» теории, а с ней и в идее единой истории человечества сделало кумирами российской философии истории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и прочих адептов теории изолированных цивилизационных монад. В повальном увлечении «цивилизационными циклами» мало кто заметил, что один из столпов такого мировоззрения, как вскоре и многие его последователи, вынужден был переосмысливать первоначальные представления под давлением накопившихся фактов, которые свидетельствовали о преемственности исторического процесса...

А. ТОЙНБИ – Н. И. КОНРАДУ

25 января 1967 г.

Дорогой д-р Конрад!

Мой коллега по институту любезно перевел мне рецензию в «*Новом мире*» (№ 10, 1966) на Вашу книгу «*Запад и Восток*». В этой рецензии есть абзац, касающийся главы «О смысле истории», в котором Вы, между прочим, упоминаете о моем взгляде на этот предмет.

Конечно, это только косвенный способ ознакомления с Вашей книгой. Именно поэтому я сейчас и пишу Вам в надежде установить непосредственный личный контакт с Вами. По рецензии в «*Новом мире*» я ясно увидел, что в Вашем лице я встречаю благородно мыслящего критика.

Но у меня сложилось впечатление (возможно, что я ошибаюсь, так как пока что я знаком с Вашей критикой только из вторых рук), что мои взгляды дошли до Вас не вполне точно. Если бы они были

именно такими, какими Вы их воспринимаете, я сам критиковал бы их, и притом в значительной степени, – в Вашем же духе. Однако мне представляется, что Вы и я сходимся во взглядах на дела человеческие в большей степени, чем Вы предполагаете, – если только я понял Вас правильно. Коснусь лишь нескольких пунктов. Я буду весьма признателен Вам, если Вы ознакомитесь с ними и в удобную минуту напишете мне, если у Вас найдется на это время.

1. Вы делаете мне честь, сопоставляя меня со Шпенглером. Я восхищаюсь им – смею сказать, как и Вы, – за гениальность, которая сказывается во многих вспышках его интуиции. Я также согласен с ним во взгляде на историю до ее нынешнего момента (это важная оговорка) как не на единый поток, движущийся сквозь века и охватывающий все человечество, а как на ряд отдельных одновременных потоков. Я думаю – опять в согласии со Шпенглером, – что этот составной поток минувшей истории может быть понят только на основе синоптического взгляда – «сравнительного метода», – потому что до нашего времени эти отдельные, местные циклы событий не сливались в единый поток, который и мог бы стать предметом единого всеохватывающего повествования. В этом отношении и Шпенглер, и я, по-видимому, согласны с Вами, если рецензия верно воспроизводит Вашу концепцию независимого возникновения идентичных явлений, например, Ренессанса, на идентичной ступени исторического развития различных обществ.

2. В то же время я кардинально расхожусь со Шпенглером в двух важных пунктах, впрочем, взаимосвязанных. В отличие от Шпенглера я – не детерминист и поэтому (я искренне убежден в этом) не догматик. Я полагаю, как и он, и, как я думаю, Вы, что, когда мы окидываем взором то, что мы знаем о прошлом, мы наблюдаем известные закономерности, единообразие и повторяемость (я называю их «моделями»). Я объясняю их (допускаю ради аргументации, что не ошибаюсь, обнаруживая такие «модели») как результат единообразия человеческой природы – особенно ее иррационального, эмоционального, подсознательного «слоя» – того самого, в котором столько новых открытий совершено уже на протяжении нашей жизни. Однако я не думаю, что модели события, которые можно рассматривать как реально происшедшие в прошлом, были роковым образом предопределены некими свойствами человеческой природы. Я не думаю также, что им, «моделям», роковым образом суждено было повторяться – даже если действительно некоторые из них (например, война, возрождение, подъем и упадок цивилизации) и повторялись в прошлом много раз. И главное, я не

думаю, что «модели», которые повторялись очень часто в прошлом (например, войны), в силу этого непременно должны повторяться и впредь – как ни трудно для человеческих существ изменять своим привычкам.

В этом решающем пункте – в том, что я не детерминист, – я расхожусь со Шпенглером и согласен с Вами (если я правильно воспринял Ваш взгляд на историю). В то время как подсознательный уровень человеческой природы общ для человечества и по крайней мере некоторых других разрядов живых существ, две отличительные способности принадлежат только человеческой природе (они взаимосвязаны) – это сознательность и способность, которую нам дает сознательность, сделать выбор. (Я прибегаю к терминологии нашего практического опыта, не вторгаясь в философский вопрос о свободе воли.) Конечно, мы, человеческие существа, только частично свободны. Например, мы, как и другие организмы, поднявшиеся над уровнем амебы, подвержены смерти и ограничены сроком своей жизни. Все-таки я думаю, что наша свобода выбора достаточно велика, чтобы быть решающей для судьбы нашего рода. Например, ныне вступив в атомный век, мы обладаем выбором между уничтожением нашего рода (и, может быть, даже и превращением нашей планеты в лишенную любых форм жизни) и улучшением нашего образа жизни на этой планете – улучшением и для личности, и для общества – на протяжении тех двух миллиардов лет, в течение которых наша планета, по предсказанию астрономов, будет пригодна для человеческого обитания.

Теперь я перехожу к тем единствам, в пределах которых я различаю отдельные, локальные потоки, какими протекала история вплоть до нашего времени.

Как Шпенглер, я думаю, что такие единства в масштабах цивилизации куда более важны, нежели единства в масштабах нации. Хотя моя работа начала печататься через целых шестнадцать лет после выхода в свет первого издания «*Der Untergang des Abendlandes*»^{*}, я еще тогда пришел к мысли о необходимости думать в масштабах цивилизаций. Это была моя реакция на представление об истории в масштабах нации. Я пришел к заключению, что видеть историю в масштабах национальных объединений – значит видеть ее неправильно, потому что мне стало ясно, что ни одно национальное объединение не является самодовлеющим. Цивилизации, как мне представлялось, более приближались к «монадам»

* Шпенглер, О. Закат Европы.

в понимании Лейбница. Я пришел к способности мыслить в масштабах цивилизаций благодаря изучению истории Древней Греции, которая заставляет нас думать о греческом обществе и цивилизации как о целом, а не как об отдельных греческих общинах – Спарте, Афинах и т. п. Предприняв попытку открыть, сколько существовало цивилизаций, я взял историю древнегреческой цивилизации как своего рода образцовую модель. Меня справедливо критиковали за то, что я втискивал факты истории других цивилизаций в это греческое прокрустово ложе, и я признал эту ошибку в двенадцатом томе своего труда *«A Study of History»*. Я озаглавил этот том *«Reconsiderations»*, он мог Вам не попасться на глаза.

Я также понял в процессе работы над этой большой книгой, что родословная «высших» религий – особенно религий проповеднических (например, буддизм, христианство, ислам) – включает в себя в каждом случае более чем одну цивилизацию, так что и цивилизации, как и нации, не были истинными монадами. Это заставило меня почувствовать, что структура даже прошлой человеческой истории менее «монадна», чем я предполагал, когда думал, что открыл действительные «монады» истории в форме цивилизаций.

Теперь я полагаю, что монадная структура прошлой истории человечества (настолько, насколько она действительно была монадной) обусловлена прежней недостаточностью человеческих связей. Человеческие существа нуждаются во взаимном общении, чтобы реально осознавать общую им человечность и, следовательно, быть способными жить вместе как члены одной семьи. Только на нашем веку так называемое «уничтожение расстояний», которое началось с приручения первого осла и постройки первой лодки, дошло до такой степени, что впервые открыло перед человечеством возможность слиться в единое общество.

Мы сумеем, смею надеяться, сохранить много из местного и культурного разнообразия (например, в области поэзии), даже подчиняясь всепоглощающей унификации, но достижение единства стало сейчас необходимым в таких вопросах жизни и смерти, как контроль над атомной энергией, организация производства и распределения продовольствия, необходимого, чтобы прокормить стремительно возрастающее народонаселение.

Впрочем, наука и техника сами по себе – силы морально нейтральные. Использование их и есть та сфера, в которой мы, человеческие существа, несомненно, обладаем свободой выбора. В атомный век в нашей власти сделать последний выбор – уничтожить себя или объединиться, впервые в истории, во всемирном масшта-

бе. Со времени изобретения атомного оружия мы все еще вели себя так, как будто продолжаем существовать в доатомном веке. Мы все находились во власти своего национализма, и некоторые из нас не удержались от вступления в войну с так называемым «обычным» вооружением, несмотря на страшный риск «эскалации».

И тем не менее я оптимист, так же, как, насколько я понял из рецензии в *«Новом мире»*, и Вы. Я надеюсь, что мы не начнем мировой атомной войны и что шаг за шагом мы будем перерастать в единое человеческое общество. У нас уже были некоторые личности, которые стали героями для всего человечества: например, советские и американские космонавты (вызывающие всеобщее восхищение великолепным сочетанием смелости и мастерства), папа Иоанн XXIII, президент Кеннеди. Благодаря телевидению, радио и авиации человека теперь могут видеть и слышать его сородичи – люди на всем земном шаре.

Если мне удастся, как я надеюсь, вступить в контакт с Вами и если Вы сообщите мне наиболее удобный для Вас адрес, я pošлю Вам экземпляр своей книги *«Change and Habit»*, вышедшей в сентябре 1966 года, в ней я утверждаю практическую реальность того, что человечество обладает свободой выбора, включая сюда и силу, достаточную для того, чтобы покончить со старыми привычками в том случае и тогда, когда они становятся губительными.

С наилучшими пожеланиями искренне Ваш А. Тойнби.

P. S. Могу ли я обратиться к Вам с личным вопросом? Мне бы очень хотелось вновь установить контакт с Вашим соотечественником, который был моим коллегой на мирной конференции в Париже в 1946 г. Мы оба несли временную военную службу для своих государств и подружались в надежде, что будем иметь возможность поддерживать отношения в дальнейшем. Мы потеряли контакт друг с другом, когда отношения между «Востоком» и «Западом» стали напряженными. Теперь, когда, к счастью, эти отношения снова становятся нормальными человеческими, мне бы очень хотелось снова установить с ним контакт. Его фамилия Иванов – без сомнения, столь же распространенная в России, как Джонсон в Англии, – но моего Иванова нетрудно идентифицировать, поскольку в то время после войны он был директором академии в Москве, в которой обучались кандидаты на поступление на советскую дипломатическую службу. Возобновить контакты с Ивановым было бы для меня большим счастьем.

А. Дж. Т.